4 ДЕК 1984

Памяти Эдуардо Де Филиппо

«КОРОЛЬ УМЕР... ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»

Эдуардо Де Филиппо был известнейшим во всем мире итальянским драматургом, режиссером, актером. Это непременно произносят, когда заходит речь об этом человеке. Но вот еще что надо бы сказать. Он всегда был неаполитанцем, истинным, преданным и любимым сыном родного Неаполя, хотя в последние годы жил в Риме, обсадив свой дом вывезенными с родины лимонными деревьями. Де Филиппо родился в актерской семье и свою первую роль сыграл на сцене в 1906 году, в возрасте шести лет. Семьдесят восемь лет работы в театре и пятьдесят два — в кино. Мало кто может похвастаться таким послужным списком!

Родной город подсказал ему и сюжеты его пьес, и характеры персонажей. Как никто, он мог в отдельном частном факте увидеть социальное явление, докопаться до его сути. Антифашистская направленность его пьес снискала ему горячую любовь и солидарность всех прогрессивных людей мира. Он всегда был непримирим к подлости, ханжеству, лицемерию. В одном из писем, рассказывая о своей новой работе, Де Филиппо писал, что его главная цель — «разоблачить климат отвратительной моральной коррупции... Я хотел бы быть снисходительным, терпимым к этим ужасным персонажам, но если бы я изменил действительность, подтасовал факты, я совершил бы предательство по отношению к собственной совести, совести писателя, и потому не было бы другого для меня выхода, как поместить среди перечня имен действующих лиц и мое имя».

Три года назад президент Итальянской Республики Алессандро Пертини объявил, что Эдуардо Де Филиппо назван пожизненно сенатором. В этом акте было признание и его высочайших заслуг перед итальянской и мировой культурой, и огромной общественной деятельности. Его характерную фигуру, его голос итальянцы слышали не только в театре и кино — он выступал на антивоенных митингах, участвовал в праздниках газеты коммунистов «Унита». В родном Неаполе сразу же после войны он дал деньги на восстановление городского театра, много сделал для молодежи Неаполя, преподавал в Риме, участвовал в создании школы актерского мастерства во Флоренции.

Эдуардо Де Филиппо был со своим театром в Советском Союзе, и советские зрители горячо аплодировали его искусству. Его тепло принимали и деятели советского театра. Вот как описывает А. Эфрос один из актерских показов Де Филипло, демонстрировавшего труппе театра «Современник» сцену из «Де Преторе Винченцо»: «Это была сцена, в которой Винченцо разговаривает со статуей святого. Он просит статую помочь ему и обещает за это поставить ей свечку... Он быстро-быстро говорил что-то, поглядывая на статую, подмигивал ей и снова быстро-быстро говорил. Потом он упал на колени и заговорил еще жарче и стал делать статуе какие-то знаки. Он просил, умолял, обещал, старался подкупить святого, затем, обернувшись, попросил Толмачеву (которая исполняла роль Нинуччи в спектакле «Современника».— **Прим. ред.**) позвать его. Та крикнула: «Винченцо!» Де Филиппо повернулся так резко и выкрикнул какое-то слово. Может быть, «Не мешай!», или «Сейчас!», или «Отстань!». Он кричал так, как кричат люди, которые в течение долгого времени стараются добиться чего-то исключительно важного для себя, еще секунда — и добьются, но в этот момент их кто-то перебивает... Мы минут сорок расхаживали в молчании, подавленные остротой артистического восприятия, смелостью и точностью его актерской манеры».

А еще он был поэтом. Читал вслух на родном неаполитанском диалекте красивые грустные стихи. Его памяти итальянская газета «Унита» посвятила две страницы, и на одной из них в черной рамке воспроизведен оригинал стихотворения, опубликованного 14 сентября 1959 года, через два дня после запуска советского аппарата «Луна-2». В стихах говорится, что вот он идет по Луне, маленький лунник, свободно — посмотрите! — потому что не ищет ни денег, ни другого какого богатства...

Мы публикуем сегодня воспоминания об Эдуардо Де Филиппо его ближайших друзей, напечатанные в газете «Унита» и журнале «Эпока» сразу после его смерти.

Энцо СИЧИЛИАНО,
писатель

Король умер... Да здравствует король! Умер Эдуардо Де Филиппо, но не умирает театр.

Театр живет, а Эдуардо много лет по всеобщему признанию был его королем. Королем без короны. Его короной было то, что отличало его от других. Его проницательные глаза, которые взрывались эмоциями, едва ощутимое дрожание век, совершенно изменявшее значение слова, его бормотание, даже приступы кашля — все это был театр Эдуардо Де Филиппо, может быть, в самом его высоком, в самом личностном и неподражаемом смысле. «Капокомико», ведущий комик труппы, ее директор, он был трудным человеком, рассказывали актеры, иногда и жестоким, той жестокостью «по-итальянски», которая значила: «в жизни театра нет места уступкам самому себе, нет места и слабостям, есть одно: твердое желание достичь цели и сделать это любой ценой, отдать все — не только силу собственного воображения, но и все свои физические силы, все свое здоровье, всю жизнь...»

Слово «здоровье» было для него очень веским аргументом: в последние годы ему нездоровилось, его голос становился все более и более тихим. Этот голос стал почти легендой, он порхал, как шорох папиросной бумаги, над партером, и театр смолкал, затаив дыхание. Ничто из того, что произносил Эдуардо, не должно было остаться неуслышанным — малейший звук, оттенок голоса должны были дойти до зрителя, потому что чем слабее становился его голос, тем больше чувства вкладывал он в него. А этот смех, который заканчивался вздохом, взрывы его негодования, утонченная манера разговаривать... А блеск глаз — в них были и горечь, и печаль, они смотрели на зрителей с сарказмом и вопросом. Персонажи Эдуардо были как бы втиснуты в странные формы, отлитые из ипохондрии, неверия в жизнь,— и вдруг они взрывались, выплескивались за пределы этих рамок, охваченные ненасытным чувством солидарности, участия, жадным стремлением пережить вместе со всеми боли и горести.

Это был молчаливый, вежливый человек. Помню одну из встреч с ним, которая произошла много лет назад. Летним днем 1969 года вместе с нашими общими друзьями мы решили проведать Эдуардо, который жил тогда на маленьком островке Позитано, и отправились туда на надувной моторной лодке. Его дом над голубой гладью моря казался врезанным в скалу. Сидя на террасе, он несколько мгновений пытливо всматривался в наши лица, а потом весь раскрылся в улыбке, которая сверкала и в его взгляде.

Много шутил, с юмором рассказывал о парочках — они высаживались на островке, думая, что он необитаем, и о том, как приходилось защищаться от непрошеных визитеров, а иногда и бешено гоняться за ними по водной глади — и все это было остро и смешно, и молниеносные вспышки юмора освещали его глаза.

Очень хотел, чтобы мы остались, но приближался вечер, надо было ехать. Он говорил, что мы многое теряем, его любимые спагетти, например. Произнес эти слова так же, как произносил некоторые реплики на сцене,— резко понижая голос в конце фразы, и в этом была своя неподражаемая комичность.

«Капокомико», ведущий комик труппы. Жалобы и стенания приобретали у него совсем иную окраску, и публика смеялась, аплодировала во время действия. Показать комичную сторону гнева — очень трудное искусство. Эдуардо умел это делать с исключительной элегантностью. Помню, я зашел к нему в грим-уборную по окончании изумительного, по моему мнению, спектакля «Человек и джентльмен». Он сказал: «Нравится, нравится публике». Сколько бы я ему ни повторял, насколько серьезен этот текст, в котором, на мой взгляд,— весь опыт театрального представления, вся его магия и мудрость, он остался невозмутим и все повторял: «Забавно, и я тоже — забавляюсь».

А эпизод с бродячими актерами, когда их закрывают в гостиничном номере? Они репетируют и одновременно что-то стряпают, а «капокомико», конечно же, он, Эдуардо, обжигается о горящую печку и умоpительно вопит, призывая Святого Антония, хранителя огня,— это очень смешная сценка. Впервые я увидел этот спектакль в детстве, тогда играла и его сестра Титина Де Филиппо, она еще была в труппе Эдуардо, помню, она сама не выдержала и засмеялась. Я как-то напомнил об этом Эдуардо. «Да,— сказал он печально, но спохватился и снова повторил,— это развлечение, настоящая забава».

Истинная правда, что Эдуардо никогда не колебался, не высказывал ни малейшего сомнения в правильности того, что делал или говорил; и требовал, чтобы его пьесы ставились именно с тем смыслом, который он сам в них вкладывал.

«Человек и джентльмен», «Я тебе не заплачу» — это комедии, они заставляют людей смеяться, хотя этот смех и окрашен некоторой долей горечи. «Мэр района Санита», «Рождество в доме Купьелло», «Суббота, воскресенье, понедельник» выходят за эти рамки, вызывают у зрителя ощущение вины в том, что жизнь — вот такая, и чувство раскаяния. Доменико Реа написал на днях в еженедельнике «Все о книгах»: «Человек с нечистой совестью, посмотрев спектакль Де Филиппо с участием Де Филиппо, выйдя из театра, идет домой, поджав хвост, как будто получил палкой по затылку». Как это правильно! Именно актер Эдуардо мог вызывать в тебе такие эмоции — эти недосказанные слова, тихие переливы голоса, впалые щеки, худоба и напряженная тишина, которая порой была хлестче любого оскорбления, больнее удара плеткой.

Он умел прекрасно описать жизнь семьи, безмолвные перепалки, обоюдное притворство — все, дескать, мирно, ничего не происходит, а на самом деле происходит, красноречивый обмен подозрительными взглядами между мужем и женой, в которых, однако, просматривается и отдаленное чувство любви — через обеденный стол, или утром, за стаканом молока; незабываемые сцены! Эдуардо умел описывать семейную жизнь, дать зрителям почувствовать вкус и запахи этого существования. Поднимался занавес в первом акте спектакля «Рождество в доме Купьелло», и зритель сразу же чувствовал тепло только что проснувшегося дома, аромат утреннего кофе, шарканье шлепанцев в коридоре, чьи-то зевки,— незабываемая, грустная поэзия дома, где обитает бедная семья. И вообще вся жизнь этой семьи, которая является не чем иным, как постоянным штопаньем чулок, чувств.

А надо всем этим — непобедимая, твердая надежда, выраженная им в словах, которыми кончается пьеса «Неаполь — город миллионеров»: «Надо подождать... Ночь должна пройти!»

Уго КАЗИРАГИ,
кинокритик

Между первым появлением на экране вместе с братом Пеппино Де Филиппо и певцом Тито Скипа в фильме «Трое мужчин во фраках» в 1932 году и последним — в роли старого учителя в фильме «Сердце» Луиджи Коменчини прошло более полувека. И пятьдесят лет с тех пор, когда Эдуардо снялся в фильме «Треугольная шляпа» Камерини, где играл роль испанского губернатора, а брат Пеппино — любовника его жены. Вроде бы история с наставлением рогов, однако в фильме было показано, как возмущен народ налоговой системой, как крадут правительственные чиновники. Увидев фильм, Муссолини был взбешен: «В чем это мы сознаемся!» — закричал он и распорядился фильм с экранов снять. Эдуардо был очень доволен, что взбесил дуче.

Итак, мы не можем сказать, что этот великий деятель театра не замечал существования кино, как позднее и телевидения. Он не был бы тогда современным человеком. Он шутил, говоря, что работа в театре позволяет ему только «летние вылазки» в кинематограф. И иронически добавлял, что на такого человека, как он, родившегося в 1900 году, цифры с шестью нулями, которыми оперируют кинематографисты, производят слишком сильное впечатление. Тем более на того, кто привык вести в театре полуголодное существование. «Что касается голода, так мы же с ним свыклись»,— говорит его герой в фильме «Неаполитанцы в Милане».

Благоприятным было для него начало пятидесятых годов. В 1950-м вышел фильм «Неаполь — город миллионеров», в 1951-м—«Филумена Мартурано». Это не был механический перевод на экран его комедий. После первых своих опытов в кинематографе Эдуардо убедился, насколько различны изобразительные средства театра и кино. Он понял, что некоторые театральные эффекты неприемлемы на экране и камера неизбежно и жестоко наказывала тех актеров, которые слишком любовались собой, старались попасть на первый план. И как актер кино он всегда отличался невероятной скромностью: играл на полутонах, и чем больше уходил в тень, тем большее впечатление на зрителей производили его худое лицо, провалившиеся щеки, вся его беззащитная фигура.

Он сразу понял специфику кинематографа. Понял, что действие «Неаполя — города миллионеров» в кино неизбежно должно переместиться в закоулки города, что необходимо шире показать его жизнь, что Филумена Мартурано на экране не может «держать сцену» только монологами, как бы прекрасны они ни были. Редко драматург, автор его «калибра» соглашается переделывать свои пьесы специально для экрана. Он это сделал, и оба фильма, а вскоре также лента «Неаполитанцы в Милане» стали страничкой итальянского неореалистического кино... В фильме «Неаполитанцы в Милане» на экране появляется Тото и великолепно играет сцену, в которой притворяется умершим,— Эдуардо написал ее специально для него. Они были знакомы со времен ранней молодости, вместе выступали на маленьких убогих сценках. Излишне говорить, что и Тото, как и Эдуардо, был большим знатоком по части умирания с голоду. И согласился поэтому задаром сниматься в фильме «Неаполитанцы в Милане», когда уважаемый друг, чтобы вытащить его из болота фарсов, предложил эту первую в его жизни серьезную комическую роль.

Для Эдуардо Де Филиппо в отличие от многих неореалистов проблема была не в том, чтобы заставить человека с улицы стать актером, а чтобы актера превратить в человека с улицы. Он сам, его сестра Титина, Тото — колоссы итальянской сцены — преуспели в этом великолепно. И в десятках других фильмов, снятых многими знаменитыми режиссерами, появлялась его фигура, ставшая такой же знакомой в кино, как и на театре.

Ренато ГУТТУЗО,
художник

Я положил у ног Эдуардо Де Филиппо веточку лавра. Среди венков и цветов, которые обычно окружают гроб и которые покрывали его словно вылепленное из воска тело, надо было положить хотя бы одну веточку древа поэтов, ведь он был, есть и останется среди нас поэтом.

Поэтом неаполитанского народа, Неаполя, главного города юга Италии, исстари страждущего, где живет униженный и оскорбленный народ, на унижения и оскорбления отвечающий взрывом жизненной силы, фантазии, иронии, веселья, мужества.

Жизненную силу своего народа Эдуардо превращал в неиссякаемое творчество, в старости ставшее, если можно так выразиться, предельно насыщенным, универсальным. Вот доказательство: он перевел на неаполитанский диалект «Бурю» Шекспира, сумел соединить и свой мир, и живой разговорный язык своего народа с миром великого англичанина, сняв барьеры времени, места, традиций, разных культур, связав древность с сегодняшним днем, чтобы придать человеческим чувствам больший вес, достоинство, значимость.

Мне посчастливилось работать с Эдуардо Де Филиппо, мы были вместе целыми днями и неделями, когда разрабатывали сцены и костюмы его комедии «Контракт».

Он прочитывал мне пьесу по частям по мере того, как писал ее. Помню его легкий голос и его манеру читать — он фактически проигрывал каждую роль. Читал и гладил своего огромного черного неаполитанского пуделя по имени Гуальоне.

Мы вместе прорабатывали все сцены, придумывали костюмы. Я излагал свои идеи, показывал наброски, обсуждал их с ним. Казалось, все было уточнено до мелочей, но на сцену Эдуардо вдруг вышел совершенно не в том костюме, который был придуман: он появился в толстом и длинном, почти до колен свитере, и этот грубый свитер вдруг произвел совсем неожиданный эффект, сообщив его персонажу особую значительность.

Эдуардо не был только актером или только автором; он был сам театр, он воплощал в себе сцену, действие, среду. Значимость окружающих его предметов подчеркивалась всеми средствами. Весь реквизит для «Контракта» был сделан из полистирола, и мы сами раскрашивали все эти предметы — один за другим. Помню, как в день генеральной репетиции слепили и прямо на сцене раскрасили половину бычьей туши — это для эпизода с обедом.

Почти во всех комедиях у Эдуардо Де Филиппо есть сцена еды, обильнейшего обеда, как его могут представить себе только бедные люди. Он словно хотел подчеркнуть, что обед всегда был мечтой бедняков.

Перевод с итальянского
Л. ФИЛАТОВОЙ.

● *Один из последних снимков Эдуардо Де Филиппо.*

Фото из журнала «Эпока».